

Д.И. ХАРМС

Андрей Бильжо: «Это было время речевок, коммунальных квартир, примусов и керогазов»

К 100-летию Даниила Хармса

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения Даниила Хармса — классика отечественного авангарда, по иронии судьбы надолго зачисленного в детские писатели. К юбилею писателя издательство «Запасный выход» выпускает в свет книгу под названием «Сто». Это альбом рисунков известного художника Андрея Бильжо (сто графических листов) со стихами Даниила Хармса. С Андреем Бильжо побеседовала корреспондент «Известий» Наталья Кочеткова.

ДАНИИЛ
ХАРМС
стихиАНДРЕЙ
БИЛЬЖО
рисунки

ИЗВЕСТИЯ: Что значит обмен репликами двух персонажей на обложке: «Один говорит: «Мне 100 лет». Второй отвечает: «Хватит врать»?

Андрей Бильжо: Хотя обэриут Хармса называют абсурдистом, после того как я в него глубоко влез, мне показалось, что он реалист. Собственно, ОБЭРИУ так и расшифровывается — объединение реального искусства. Несмотря на то что за последние несколько лет его сильно затерли, Хармс пока еще до конца не понят и молод. Поэтому, когда он мне, Андрею Бильжо, говорит: «Мне 100 лет», я ему отвечаю: «Хватит врать».

ИЗВЕСТИЯ: В каком смысле Хармс сейчас «затерли». Вы имеете в виду ту популярность, которую он приобрел в 90-е годы?

Бильжо: Сначала наступила популярность, потом Хармс стал таким «кодом для интеллигенции», но все равно мало кто знает и понимает его тексты по-настоящему. В конце книги есть послесловие Битова, где он связывает Хармса с Пушкиным. Пушкин же тоже фигура, которую как бы все знают, но по-настоящему не знает никто, кроме сотни человек.

ИЗВЕСТИЯ: А как случилось, что вы занялись Хармсом?

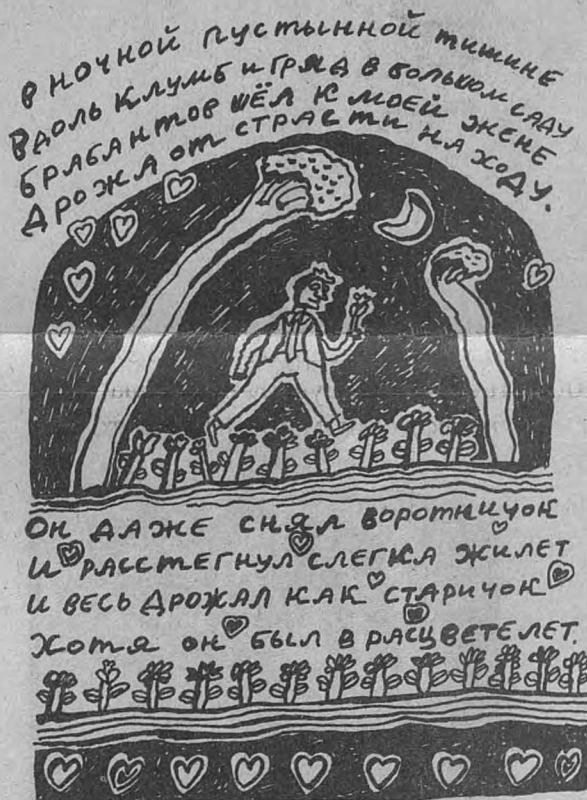
Бильжо: Карикатура близка к Хармсу, потому что абсурдна. Но я занимаюсь не только карикатурой, но еще и станковой графикой, живописью, сделал до этого не одну книгу и записал даже диск с идиотскими песнями, где написал музыку, слова и сам же исполняю. В общем, влезаю в разные сферы деятельности, но все это из ироническо-абсурдной области, поэтому Хармс мне не противопоставлен. А коль скоро уже навалилось столетие, то все произошло стремительно. Мне позвонил мой друг Андрей Гнатюк и сказал, что хочет отметить у себя в деревне столетие Хармса и каждый должен что-то сделать. Мы встретились и что-то вместе начали придумывать. Я сказал, что хочу сделать такие листы. Это не иллюстрации. Я графически компоновал каждый лист, думал, что это будут постеры, которые можно будет вешать на стенку (наверное, они действительно будут потом, после книги). Потом прошла выставка, где было 20 моих рисунков, а потом издатель Боря Бергер сказал, что мечтает сделать книгу. Дальше все развивалось стихийно. Я каждый день работал часов по 8–10, уехал в Венецию, где я часто бываю, потом приехал в Москву и доделал эту книгу. Она выйдет как раз в день рождения Хармса — 30 декабря.

ИЗВЕСТИЯ: Хармс жил в Питере. Вам во время работы над книгой не хотелось туда съездить, побродить по улицам?

Бильжо: Я выбрал другой путь, — произношу это с долей иронии, — путь Гоголя. Я уехал в Венецию. Мы же знаем, что Гоголь написал половину своих вещей в Италии. На мой взгляд, Хармс вне территории. Если мы изучаем его биографию, то это одна вещь, но какая разница в Питере он писал, в Москве или в Тамбове.

ИЗВЕСТИЯ: То есть такое понятие, как «гений места», для вас никакой роли не играло?

Бильжо: Нет, хотя там есть несколько стихотворений, где я рисовал Питер и сознательно выбрал строки, которые

БЕГУТ ЗАДУМЧИВЫЕ ЛЮДИ

